

Сергей ГОГИН, поэт, журналист, руководитель литературной студии «Восьмёрка»

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

4 июля говорили в литстудии «Восьмерка» о переводной литературе, о трудностях перевода, об особенностях профессии переводчика. Часто упоминали Виктора Голышева, поскольку он один из самых авторитетных из ныне живущих переводчиков, который переводил Оруэлла, Кизи, Фолкнера и многих других.

Понятно, что со 100-процентной точностью перевести художественную прозу и тем паче стихи с одного языка на другой нельзя, как нельзя перенести одну страну на территорию другой или населить одну страну жителями другой, потому что литература укоренена в географии, традициях, менталитете, языке, нации. Но это не значит, что перевод невозможен. Мы же читаем «Тома Сойера», «Парфюмера», «Над пропастью во ржи», «Сто лет одиночества» в блестящих переводах. Иначе нам пришлось бы учить все языки, на которых пишется зарубежная литература, что невозможно.

Переводчик – специфическая профессия, во многом подчиненная. Он должен быть человеком смиренным, идти за автором, за языком, не выпячивая свою личность, растворяться в авторе, как актер растворяется в своем персонаже, резонировать с ним. При этом роль эта не пассивна, потому что переводчик делает выбор чуть ли не в каждом предложении, а есть выбор очень существенный, как, например, когда Голышев принимал решение о важных терминах в романе «1984» – «Большой Брат» или «Старший Брат», «двоемыслие», «мыслепреступление», «новояз» и т.д.

Трудности перевода начинаются там, где переводить надо литературу языка, в отличие от литературы сюжета. «Лолита» по-русски – это все-таки несколько другая «Лолита». Есть еще литература идей, и некоторые идеи ну никак не переносятся на другую национальную почву: например, «совесть» слишком русская вещь и в англосаксонском мире при переводе превращается в «вину». Классический пример – «закон» и «право», которые различаются в

русском языке и не отличаются в английском (law). Реалии, ткань жизни, растворенную в ткани языка, трудно бывает передать адекватно, без сносок, одним словом. Участница студии Любовь Чиликова привела пример из книги японской поэзии, которую принесла с собой. В одном из стихотворений говорится о шторе, которую колышет ветер. В переводе – «штора», а в оригинале употреблено слово, которое обозначает бамбуковую штору, которые использовали только в зажиточных домах. Значит, грустящая в стихотворении лирическая героиня – из богатой семьи, что по-другому поворачивает ситуацию, но в русском переводе это передать невозможно. Есть трудности перевода, которые непреодолимы подобно тому, как нельзя пересадить тысячелетнюю секвойю из Калифорнии куда-нибудь в Архангельскую область.

И все же перевод – это благородное и нужное дело, он настраивает диалог культур, делает возможным их взаимодействие. Вспоминаются первые теломосты между Россией и США, которые вели Познер и Донахью: тогда у двух народов появилась возможность лично познакомиться друг с другом. Или знаменитый фильм «Осенний марафон», где профессор Хансен постигал культуру страны через ее лексику («Я алкач?»), через намеренные неправоильности прозы Достоевского. Переводчик – это гид в мире другого языка и литературы. Гиды бывают хорошие и плохие, совестливые и формалисты. И спрятать это невозможно: текст перевода говорит нам о том, насколько вовлечен переводчик в автора, увлечен им, насколько он пытлив и добросовестен.

